

Немирович-Данченко Василий Иванович

Хорошая компания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Хорошая компания / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 287 с.

ISBN 978-5-519-99158-2

ISBN 978-5-519-99158-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С О Д Е Р Ж А Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Почему мы не попали въ Америку	5
Счастливый левъ (сказка дѣйствительность).	19
Разбитая кукла.	39
Родныя могилы кличуть.	45
Второй удавшійся.	61
Сочиненіе.	87
Сонъ банкира Циферблата	103
Дѣваться некуда	131
Раньше Кука и Пири (Правдивое сказаніе о томъ, какъ мач- манъ Дырка открылъ сѣверный полюсъ).	139
Прекрасный край былого (Повѣсть).	153
Фофкинъ Тришка	277

Почему мы не попали въ Америку.

I.

Я только-что увидѣлъ вдали снѣжныя вершины Кордильеровъ, за которыми разстилалось къ невѣдомымъ притокамъ Мараѣона великолѣпное Эльдorado, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кто-то отрываетъ отъ земли за ухо и возноситъ... Куда? Отъ счастливой грезы ни слѣда. Прямо въ глаза мнѣ холодно и безпощадно смотреть самый ненавистный изъ учителей — Иванъ Ѳомичъ. На бритомъ лицѣ отъ негодованія вздрагиваютъ толстыя, точно вывороченныя губы.

— О чемъ я сейчасъ говорилъ? Ну?

Глупый вопросъ. Я и его самого не видѣлъ въ волшебномъ мірѣ.

— Ай, оставьте мое ухо... Мнѣ больно.

— Это у тебя что? Посторонняя книга? „Эльдorado“? Вотъ я тебѣ покажу „Эльдorado“.

И меня точно захватило на буксиръ и повело. Какъ пароходъ, пытая и переваливаясь, повлекъ меня за собою Иванъ Ѳомичъ, прямо въ уголъ, ткнулъ туда посомъ. Потомъ ухо стремительно опустилось внизъ, и, разумѣется, я вслѣдъ за нимъ. Колѣни сами собой подогнулись.

— Стой до перемѣны... Мореплаватель... Болванъ „толковница“!

Почему „толковница“, что такое „толковница“,—это было тайной учителя русского языка.

— Безъ синтаксиса такимъ же дуракомъ вырастешь, какъ и твоя бабка.

Опять: при чемъ тутъ бабка? Гдѣ ее зналъ и видѣлъ Иванъ Ѳомичъ?

— А въ журналѣ я тебѣ—блинъ... Кушай на здоровье. И откуда эти негодяи постороннія книги достаютъ? Гдѣ ты взялъ „Эльдорадо“? Ну?..

Меня вдругъ осянило. Толстый, весь точно вытесанный изъ камня, Иванъ Ѳомичъ до потери сознанія боялся нашего директора. Бывало, генераль еще только къ класснымъ дверямъ подходить, а языкъ у учителя заплетается, и весь синтаксисъ улетучивается въ пространство. Его превосходительство звалъ это и, взглянувъ съ улыбкою въ стекла, слѣдовалъ дальше. Иванъ Ѳомичъ вынималъ большой красный платокъ, вытиралъ себѣ вспотѣвшую отъ волненія лысину, отмахивался, вздыхалъ и, приходя въ себя, шепталъ что-то. Съ первой скамейки разобрали какъ-то:

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его.

— Особа! Три звѣзды имѣеть. Самъ государь его знаетъ. Подъ Силистріей на-вылетъ раненъ. Однимъ взмахомъ можетъ погубить или возвеличить.

— Гдѣ ты взялъ „Эльдорадо“, ну?

— Директоръ даль.

— Что-о?

Иванъ Ѳомичъ, переваливая чрево, быстро подошелъ ко мнѣ.

— Николай Карловичъ далъ читать... Приказалъ потомъ рассказать ему своими словами.

Какъ это ни было несообразно и чудовищно, но одна мысль, что я могу свидѣтельствовать ложно на такую персону, не умѣщалась въ мозгу у нашего синтаксиса рядомъ съ представленіемъ объ ея величїи.

— Тебѣ... Его превосходительство... Повернись ко

мнѣ лицомъ. Развѣ я слышу, что ты тамъ бурчишь? Когда это было?

— Вчера. Спросите у Куряпки,—онъ со мною былъ.

Ссылка на Куряпку была необыкновенно удачна. Вралъ Куряпка такъ, что самъ себѣ вѣрилъ.

Вскочилъ. Жердь-жердью и, выпучивъ на Ивана Ѳомича наивные, какъ-будто нѣсколько испуганные глаза, забарабанилъ:

— Вчера мы шли... Вдругъ Николай Карловичъ намъ обоимъ: „Господа кадеты, маршъ ко мнѣ чай пить“...

— Это вамъ, лоботрясамъ: „господа кадеты“?

— Да. Онъ очень воспитанный и умный, никогда не ругается.

И глаза у Куряпки стали еще довѣрчивѣе.

— Вы чай пили у... у директора?.. У его...

— Превосходительства... съ сахарными крендельками, вишневымъ вареньемъ...

„Подлецъ Куряпка, доверется до того, что и Иванъ Ѳомичъ пойметъ!“

— Самоваръ у него серебряный, и шоколадныя витушки въ красныхъ фунтикахъ. „Въшейте, — говоритъ, — господа кадеты, а что останется,—я вамъ въ карманы высыплю“. Мнѣ — витушки, а ему — книгу. „Читай,—говорить. — Потому что науки, вообще, полезны. Старайся и надѣйся на меня, какъ на каменную гору. Чуть что,—прямо ко мнѣ. Потому что я всѣхъ васъ, какъ дѣтей“...

Голосъ у Куряпки вздрогнулъ, на глазахъ выступили слезы. Артистъ былъ настоящій!

— Потомъ про учителей спрашивалъ... Мы ихъ хвалили... За справедливость, главное...

— Эй, ты... Толковница!.. Пошелъ на свое мѣсто... Дрянъ... Скажите, пожалуйста: у директора чай пилъ... Немытая рожа!

Этимъ онъ, такъ-сказать, прикрывалъ свое отступление.

Спасалъ достоинство.

— Воображаю. Невѣжи! Сахаръ полною горстью въ стаканъ! Радъ, что дорвался. Да возьми книгу бережно!.. Лосось!.. Нельзя такъ хвататься. Не бревно. Книгу авторъ пишетъ. Можетъ-быть сколько онъ учился... Садись, пентюхъ.. Его превосходительство, разумѣется, какъ Гарунъ-аль-Рашидъ!..

Во время перемѣны я закатилъ такого туза Куряпкѣ, что тотъ носомъ съ дверью поцѣловался.

— Развѣ можно такъ врать?

— А ты—правду? Кабы я меньше вралъ, — онъ бы ни за что не повѣрилъ. Врать надо здѣрово. Безъ знаковъ препинаній! Наполовину, — никто не повѣритъ, а вытянешь вранье въ версту, — никому въ голову не придетъ, чтобы такіе безсовѣстные люди на свѣтѣ были.

Какъ видите, не только артистъ, но и настоящій психологъ оказывался.

И, вѣдь, потомъ далеко пошелъ,

По интендантству такія дѣла ворочалъ! Теперь бы самъ генераломъ былъ, да наканунѣ производства его сенаторъ Гаринъ къ лику разбойниковъ сопричислилъ и въ синюю обложку подшилъ. Пришилилъ къ процессу. Въ прошломъ сезонѣ я пришелъ въ московскій окружный судъ. Смотрю, сидитъ мой Куряпка. Поправляетъ крестъ на шеѣ и довѣрчивѣе ребенка въ глаза предсѣдателю смотритъ. Ну, ангела небеснаго чище!..

Такъ и воскресла въ памяти старая корпусная былъ.

II.

Надоѣлъ корпусъ до-смерти. Большія окна, бѣлыя стѣны, барабанъ утромъ, по которому горошкомъ вскакивай съ постели и бѣги, дрожа отъ холода, подъ студеную воду. Скучныя ученія на плацу и классы до

обѣда, и классы послѣ обѣда. Меланхолическіе дежурные офицеры, что-то отмѣчающіе у себя такое, по которому потомъ тебя жучить и точить, какъ наждакъ нудный ротный командиръ. Вѣдь, все равно пошлетъ въ карцеръ, — нѣтъ, онъ сначала душу изъ тебя вымотаетъ!.. Только и отходишь „въ чарованья красныхъ вымысловъ“, читая Густава Эмара, Марриета, Купера. Каждое слово этихъ книгъ принимаешь за святую истину. Слѣдишь за дѣтьми, бѣжавшими съ котомъ подъ мышкой въ Африку или съ чижикомъ въ клѣткѣ въ Мексику и наполнившими своей славой океаны и континенты. Вѣдь, чего легче и проще? Тутъ, чтобы тебя лѣтъ этакъ черезъ семь выпустили подпоручикомъ въ артиллерію, сколько нужно сухой и надоедливой книжной мертвечины одолѣть. Отъ однѣхъ хронологическихъ таблицъ въ глазахъ рябитъ. А логариемы Веги — видѣлъ я ихъ у старшихъ. Вѣдь, такимъ кирпичомъ любого индѣйца убить можно. Треснулъ его ребромъ въ лобъ, и нѣтъ Соколиного Глаза! А тамъ сдѣлался флибустьеромъ, выбралъ себѣ въ Мексиканскомъ заливѣ любой островъ, снарядилъ легкокрылый парусный корабль, и чортъ тебѣ не братъ. Ротнаго командира поймалъ. Ну, что, „Штопоръ“, будешь меня откупоривать? Подвѣсьте его на рею, молодцы... „Штопоръ“ бросается на колѣни. Страхъ на его лицѣ... Я великодушень. Умѣю карать, но и прощаю, какъ никто! „Дарую тебѣ жизнь. Возьми себѣ любую изъ прекрасныхъ индіанокъ, выстрой хижину подъ пальмой на моемъ островѣ“. Дочь директора корпуса, — мы всѣ въ нее влюблены были, — захватилъ корсаръ. Снаряжаю эскадру, лечу за нимъ и настигаю въ страшную бурю, посреди „разгнѣваннаго“ океана... Три дня длится бой. Наконецъ, наши суда сцѣпились. Съ пистолетомъ въ одной и топоромъ въ другой рукѣ прыгаю, „какъ пантера“, къ нему. На abordажъ! Кровь льется рѣкой... „Товарищи, ко мнѣ, дарю вамъ все и только ее оставляю себѣ!“

Грудь съ грудью. Хриплые крики — послѣднее сопротивленіе. „Выбросьте трупы этихъ негодяевъ акуламъ... Корсара повѣсьте“... Блѣдный, онъ гордо смотритъ на меня. „Знаю, я обреченъ... Не прошу пощады, но пошлите этотъ портретъ моей матери. Скажите, что я умеръ не морскимъ плакаломъ, а героемъ въ честномъ бою. Клянитесь мнѣ!“ — „Клянусь! А кто она?“ Онъ выпрямляется, откидываетъ густые, черные кудри назадъ и, озаренный полымемъ заходящаго солнца, бросаетъ „какъ вызовъ“: „Графиня де-Лерма, герцогиня д'Абрантесъ!“ Блѣдныя, тонкія руки простираются ко мнѣ. Вѣтеръ во все стороны разбрасываетъ золотистые локоны. „Вы отважны, — значитъ, добры къ несчастнымъ, — отдайте его мнѣ!“ Что-то рвется въ моемъ сердцѣ. „Ты любишь его?“ — „Да. — И она, рыдая, опускается передо мною. — Я всю жизнь буду молиться за тебя, я научу дѣтей благословлять твою память!..“

— Пусть! Величіе и счастье не уживаются вмѣстѣ. Мнѣ — слава, а вамъ — любовь! Хочешь быть моимъ другомъ?

Корсаръ, — „ужасъ обоихъ океановъ“, — бросается къ моимъ ногамъ.

— Встаньте, герцогъ! Вамъ Господь послалъ ангела... Берегите его. Когда-нибудь, усталый отъ битвъ, я приду издали полюбоваться на васъ... Не гоните меня, одинокаго, отъ порога вашего родового замка въ горахъ Эстремадуры...

— Ты что, ослѣпъ? Иванъ Ѳедоровичъ!

„Штопоръ“ бѣжитъ къ его превосходительству.

— Отведите его въ карцеръ.

Это я, освобождая его дочь, чуть не сбиль его съ ногъ!.. Прямо въ животъ ему ткнулся.

— Распустились!.. Безпардонная команда... Даже директора своего не замѣчаете. Лодыри! Я васъ подтяну.

Стоило изъ-за нея драться съ „ужасомъ обоихъ океановъ“.

Спасеніе приходитъ, откуда я его и не ожидалъ со-
всѣмъ.

— Что онъ у васъ? — спрашиваетъ директоръ у „Што-
пора“. — Скверно ведетъ себя?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство... Но...
стихи пишетъ... Мечтательный кадетъ.

— Ахъ, вотъ что!

Директоръ — нѣмецъ и въ хорошія минуты декла-
мируетъ воинственнаго Кернера и меланхолическаго
Ленау. Мы баллады Уланда нарочно для него къ экза-
менамъ нанзустъ долбили.

— Стихи... Повернись!.. Неправда ли, у него про-
филь напоминаетъ Шиллера?

„Штопоръ“ дѣлаетъ глупые глаза, но противорѣчить
не осмѣливается:

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ну, Господь съ тобой... Шиллеръ!.. Ты и сейчасъ
стихи сочинялъ?

Я краснѣю. Точно меня поймали на чемъ-нибудь
дурномъ.

— Нечего стыдиться. Можетъ-быть, у тебя талантъ.
Лермонтовъ гусаромъ былъ. Только надо учиться и
слушаться старшихъ! Понялъ! Ступай въ роту. Со-
всѣмъ Шиллеръ, — такой же носъ...

Благодарю покорно!

III.

Подпоручикомъ въ артиллерію! Вѣдь, для этого надо
до третьяго спеціального класса доцарапаться. Вонъ
на какую крышу взлѣзть. Этого фокуса и коту не сдѣ-
лать, гдѣ ужъ тутъ „мечтательному кадету“ съ носомъ
Шиллера. Выпустятъ прапоромъ въ какой-нибудь кисло-
сладкій полкъ, и радуйся. А время пройдетъ. Знаме-
нитый флибустьеръ — Черный Капитанъ въ четырнад-

цать лѣтъ уже десятипушечной бригантиной командовалъ, а въ двѣнадцать — съ испанцами въ Антильскомъ морѣ дрался. А мнѣ двѣнадцатый поидеть. Такъ будешь зѣвать, — все упустишь. Океаны не ждутъ. Тамъ за это время другіе Черные Капитаны появятся...

У меня былъ другъ. Такой же „мечтательный кадетъ“.

Только-что „Пикильо д'Алліага“ прочелъ и ко всѣмъ приставалъ:

— Ну, развѣ я могу что-нибудь, когда меня Сидоровичемъ кличутъ. Тоже и родители, — нечего сказать. Не могли лучше фамиліи придумать. Ну, какъ я съ нею на севильскую улицу выйду. Кавальеро донъ-Сидоровичъ!

У него были золотые часы съ такою же цѣпью.

Мнѣ изъ дому двадцать пять рублей прислали въ знакомую семью, и та ихъ мнѣ полностью отдала.

Съ такими-то деньгами, да до Америки не доѣхать! Дуракомъ надо быть...

Корпусъ стоялъ на краю города. Дальше тянулась еврейская слобода. У насъ тамъ были пріятели. Одинъ, тоже писавшій стихи, гимназистъ съ несообразною фамиліей Лимонъ и носомъ, который даже и мой перещегоолялъ. Куда дальше шиллеровскаго заѣхалъ!.. Мы къ нему:

— Слушай, Лимонъ. Гдѣ тутъ можно часы заложить?

— Ну, вотъ! — изумился онъ нашей глупости. — Часы, если они хорошіе, вездѣ можно... А вамъ зачѣмъ?

— Въ Америку ѣдемъ. Флибустьерами будемъ. Хочешь съ нами?

— Нѣтъ. Вы сначала поѣзжайте, а потомъ напишите мнѣ и на билетъ деньги вышлите. А то у меня дядя изъ Вилейки. Тоже въ Америку собрался, а его исправникъ высѣкъ. До сихъ поръ дома штаны шьетъ.

Лимонъ не позволилъ насъ обмануть, и подъ часы